

Соколова Е.Т., Андреюк К.О. Особенности ментализации у пациентов с шизотипическими расстройствами

English version: [Sokolova E.T., Andreyuk K.O. Peculiarities of mentalization in patients with schizotypal disorders](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Исследуется феномен ментализации, понимаемой вслед за П.Фонаги как эмоциональная восприимчивость и когнитивная способность представлять психические состояния. В рамках данного исследования ментализация рассматривается через аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений «Я – Другой» (Е.Т.Соколова), который вводится как своеобразная единица анализа, интегрирующая внутри себя эмоционально-чувственные характеристики отношений, а также когнитивно-символические способы переработки опыта социального взаимодействия. В исследовании эти компоненты раскрывались через показатели модели Д.Вестена: «сложность представлений», «аффективный тон отношений», «эмоциональный вклад в отношения», «понимание социальной причинности». На материале методики ТАТ и беседы у больных с шизотипическими расстройствами выявлены нарушения в форме псевдоментализации и снижения уровня ментализации по типу конкретного понимания, соотнесенные со спецификой стиля репрезентации «Я – Другой». Измеренные когнитивные и личностные особенности (психологическая разумность, толерантность к неопределенности, уровень интеллектуального развития и креативность) обнаружили связи с компонентами стиля и поспособствовали реконструкции целостной картины ментализации в норме и патологии.

Ключевые слова: псевдоментализация, снижение уровня ментализации (конкретное понимание), аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений «Я – Другой», психологическая разумность, толерантность к неопределенности, тематический апперцептивный тест, шизотипические расстройства

В современной психологической науке существует ряд смежных понятий, описывающих закономерности построения мира психических представлений, образов, репрезентаций, содержание которых определяется спецификой теоретического подхода, в русле которого они сформировались. Так, выделяют обширный термин *социальное познание*, объединяющий множество направлений, внутри которых раскрываются лежащие в основе социального взаимодействия психические процессы [Холмогорова, 2014]. В русле когнитивной парадигмы берет начало изучение *модели психического (theory of mind)* – распознавания психических состояний и их организации в ментальные модели, которые различаются у людей [Сергиенко, 2015]. В современных исследованиях акцент делается на понятии *психологическая разумность (psychological mindedness)* – «... выражает заинтересованность человека в рефлексии психических процессов, их значение для поведения, интенциональность по отношению как к аффективной, так и интеллектуальной сферам» [Новикова, Корнилова, 2013, с. 63]. Проведенное нами исследование находит теоретическую основу внутри изучения *ментализации*, которая представляет собой эмоциональную восприимчивость и когнитивную способность представлять психические состояния, на основе чего реализуется

понимание себя и Другого [Бейтман, Фоаги, 2014].

Теоретико-методологические предпосылки формирования П.Фоаги и Э.Бейтманом концепции ментализации восходят к постулатам теории объектных отношений [Кляйн, 1997] и теории привязанности [Боулби, 2003]. Современные исследования подтверждают связь особенностей ментализации с типом отношений привязанности [Fizke et al., 2013; Mikic, Terradas, 2014].

Фоаги разрабатывает понятие ментализации в единстве ее познавательных компонентов (что роднит эту концепцию с положениями theory of mind) и аффективных (рассматривая ее как интуитивную эмоциональную реакцию, по большей части быструю и часто бессознательную) [Бейтман, Фоаги, 2014]. Тенденция к теоретической интеграции выявлена и в других школах: Е.Т.Соколова вводит понятие *аффективно-когнитивного стиля* как своеобразную единицу анализа, объединяющую эмоционально-чувственные и оценочные характеристики отношений, а также когнитивно-символические способы переработки опыта социального взаимодействия [Соколова, 2011, 2015b]. Этот конструкт использовался в ряде работ для рассмотрения *репрезентаций отношений со значимыми Другими* [Соколова, Коршунова, 2007]. Среди *структурно-содержательных компонентов стиля* выделены: степень когнитивной дифференцированности и интеграции системы репрезентаций, конфигурации отношения к себе и значимым Другим, система защитных механизмов и др. [Соколова, 2015b]. Стиль неразрывно связан с актуальными коммуникациями, порождая типичные модели взаимодействия «здесь-и-сейчас» в условиях *неопределенности* общения и взаимопонимания.

Исследование внутреннего мира Другого предполагает свободное фантазирование внутри психического пространства, направленное на процесс «снятия неопределенности» путем «структурирования» первоначального материала в интегрированную, упорядоченную и достаточно осмысленную структуру – ментальную репрезентацию [Соколова, 2012]. Снижение толерантности к неопределенности затрудняет познание Другого, тем самым приобретая статус деструктивного предиктора неверного понимания психического, что часто усугубляется за счет утраты интереса к переживаниям окружающих или недостатка средств и навыков, необходимых для подобного познания [Соколова, 2015a]. У некоторых людей существует и иной страх – определенности и конкретности, поэтому предпочитаемая размытость создает пробелы в восприятии себя и Другого, что позволяет избегать столкновения со сложной реальностью переживаний [Соколова, 2014].

Развитие ментализации невозможно в одиночку, без помощи извне, осуществляемой в том числе в ходе символической игры [Калмыкова, 2009], на примере которой родитель демонстрирует ребенку, что внешний и внутренний мир не идентичны, но пересекаются в точке, знаменующей собой переход от *режима психической эквивалентности* к *символической форме* отражения действительности – при помощи слов и ментальных образов (в том числе фантазий), что предполагает их субъективность, возможность пристрастного толкования и даже ошибок. Неспособность родителей взять на себя вышеобозначенные функции может впоследствии предуготовить снижение рефлексии ребенка, дефицит его возможностей встать на место Другого [Бейтман, Фоаги, 2014]. Эти характеристики нередко оказываются сопряженными со свойствами когнитивного стиля, описываемыми через показатели когнитивной простоты и слабой дифференцированности опыта [Соколова, 2015b], которые можно рассматривать как свидетельство *снижения уровня ментализации* в форме *конкретного понимания* – когда внутренние субъективные закономерности описываются в физикалистских терминах и сводятся к миру материальных объектов [Бейтман, Фоаги, 2014].

Другой вид нарушений классифицируется как *псевдоментализация* и представляет собой трактовку чужого поведения и внутреннего мира с позиции своих ригидных убеждений и схем, напротив, максимально оторванных от реальности [Бейтман, Фоаги, 2014]. Такие трактовки не направлены на коммуникацию – в них отсутствуют интерес к Другому и желание понять его, а весь процесс строится ради подкрепления своей «всемогущественной» проницательности, извлечения собственной выгоды или даже нанесения психологического ущерба Другому [Бейтман, Фоаги,

2014; Соколова, Иванищук, 2013]. Такие нарушения характерны для пациентов с тяжелыми личностными расстройствами (функционирующими на пограничном уровне) [Кернберг, 2000]. Отмечаются особые взаимосвязи между аффективно-когнитивным стилем и пограничной организацией личности, что описывается сниженными возможностями понимания психического, примитивными конфигурациями защитных механизмов, диффузной или грандиозной структурой идентичности и манипулятивным стилем межличностных отношений [Соколова, 2009, 2015b].

Интерес современных исследователей к особенностям, связанным с ментализацией, при пограничной патологии [Bateman, Fonagy, 2010; Sharp et al., 2011; Gorska, Marszal, 2014] расширяет поле работ из области нарушений при *других психических расстройствах* [Katznelson, 2014]. Так, у *больных шизофренией* отмечаются трудности распознавания эмоций, связанные с самозапретом на их выражение, что приводит к уменьшению чувствительности и провоцирует снижение уровня их социального функционирования [Руденко, Рычкова, 2012]. Среди факторов, обуславливающих трудности в области понимания собеседников *больными с депрессивными расстройствами*, выделяют присущие им снижение мотивации, ригидность и отсутствие гибкости мышления, специфический атрибутивный стиль, сопряженный с негативизмом мышления, и др. [Пуговкина, 2014]. Особую специфику нарушения социального познания приобретают при наличии той или иной степени выраженности *социальной тревожности*, затрудняющей интерпретацию коммуникативных посланий [Никитина, 2014].

Комплексное рассмотрение нарушений ментализации представляется особенно важным при исследовании лиц с *шизотипическими расстройствами*: будучи схожей по развитию и течению с расстройствами личности, эта патология тем не менее нередко предполагает коморбидность с тревожно-депрессивными нарушениями, а также является фактором риска развития заболеваний шизофренического характера. Внутри нашего исследования *ментализация будет рассмотрена через понятие аффективно-когнитивного личностного стиля* [Соколова, 2015b], который формирует модель репрезентативного пространства «Я – Другой».

Методы

Цели исследования

– обнаружить специфические характеристики ментализации у исследуемых с шизотипическими расстройствами;

– выявить и проанализировать связи ментализации исследуемых с измеряемыми когнитивными и личностными особенностями (психологическая разумность, толерантность к неопределенности, интеллектуальный уровень и креативность), формирующими структуру стиля репрезентации в норме и патологии.

Гипотеза: исследуемые с шизотипическими расстройствами характеризуются особенностями ментализации, отражающими специфику организации аффективно-когнитивного стиля репрезентации отношений «Я – Другой», проявляющуюся в структуре стиля и связях между его компонентами.

Выборка

В исследовании приняли участие 40 человек: 20 больных с шизотипическими расстройствами (ШБ), наблюдавшихся на базе НЦПЗ РАМН с диагнозом «депрессивный эпизод у шизотипической личности» (F32; F21), и 20 психически здоровых испытуемых (ПЗ), которые составили контрольную группу. В каждой группе было по 13 мужчин и 7 женщин в возрасте 32 ± 12 лет с образованием не ниже среднего. ШБ отличались холодностью и неадекватностью эмоциональных реакций, им было свойственно эксцентричное и непредсказуемое поведение, сверхценные или

грандиозные идеи. В процессе обследования проявляли себя то высокомерно закрытыми, то чрезмерно общительными и ориентированными на поиск помощи; позиционировали себя как чрезвычайно сложных и необычных, непонятых окружающими, что чаще и выступало причиной их обращения в клинику. Кроме того, среди проблем многие выделяли трудности в сфере общения: от паранойяльных идей до социальной изоляции.

Методики

– *тематический апперцептивный тест (ТАТ)* [Соколова, 1987]. Сокращенный набор таблиц из методики ТАТ (3ВМ, 4, 5, 6ВМ, 6FG, 7ВМ, 9FG, 10, 12ВМ, 18GF), отобранный по принципу содержания в себе сюжетов, иллюстрирующих межличностное взаимодействие, использовался для диагностики ментализации. Помимо качественного анализа полученных рассказов, использовалась модель Д.Вестена [Westen, 1990] с возможностью статистической обработки полученных данных по следующим субшкалам: «*сложность представлений*» – измеряет уровень дифференциации и интеграции субъектом психического материала; «*понимание социальной причинности*» – указывает на степень, в которой приписываемые причины действий людей, их мыслей и чувств являются логическими и психологически опосредованными; «*аффективный тон отношений*» – отражает эмоциональный окрас социального взаимодействия и вытекающие из этого ожидания; «*эмоциональный вклад в отношения*» – описывает позицию человека по отношению к другим людям (являются ли значимыми межличностные связи с ними сами по себе, или же они необходимы в силу определенных обязательств или выгод) [Там же];

– *полуструктурированная беседа*, вопросы которой были составлены с опорой на интервью Кернберга [Кернберг, 2000] и Фонаги [Бейтман, Фонаги, 2014] с целью выявления особенностей представлений о себе и Других (уровень ментализации).

Полученные данные были проанализированы с точки зрения критериев, предложенных Фонаги [Там же] (см. табл. 1).

Таблица 1

Критерии диагностики уровня ментализации в методике ТАТ и беседе

Уровень ментализации	Критерии
Конкретное понимание (снижение уровня ментализации)	<ul style="list-style-type: none"> – чрезмерная детализация в описании неодушевленных предметов; – фокусирование на формальных/физикальных признаках социального окружения; – объяснение внутренних состояний с ориентацией на внешние проявления, признание их эквивалентности; – использование ярлыков и стереотипные ответы при описании психических состояний людей; – трудности понимания социальной причинности – слишком поверхностное виденье ситуаций; – использование сверхобобщений; – ригидное следование своему объяснению без возможности принять альтернативные
Псевдоментализация	<ul style="list-style-type: none"> – игнорирование наличия у Другого сложного и неоднозначного внутреннего мира путем его «легкого считывания»; – подмена в действительности испытываемых Другим чувств надуманными; – обобщения за пределы ситуации, часто построенные как обвинения или обесценивания; – неадекватное объяснение мыслей и чувств Другого;

– чрезмерно красочный рассказ о внутреннем мире Другого, который свидетельствует о его оторванности от реальности;– рассказ о чувствах Другого строится с главной целью подкрепления своей интуиции;– отрицание объективной реальности, искажающее восприятие

Дополнительные методики:

– опросник «Шкала психологической разумности» (ШПР) [Новикова, Корнилова, 2013], включающий субшкалы: «заинтересованность в сфере переживаний», «доступность переживаний», «польза от обсуждения переживаний», «желание и готовность обсуждать переживания», «открытость новому опыту»;

– «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» [Корнилова, 2010]. Исследовались показатели «толерантности к неопределенности» (ТН) – стремление к новизне, готовность к изменениям, наличие возможности выхода за рамки ограничений при решении разных задач; «интолерантности к неопределенности» (ИТН) – стремление к ясности, упорядоченности, приверженность определенным принципам и нормам; «межличностной интолерантности к неопределенности» (МИТН) – стремление к ясности и желание контролировать неопределенные отношения с окружающими [Там же];

– образный субтест Торренса «Создание рисунка» [Туник, 1998] – для выявления таких компонентов креативности, как «гибкость» (способность переключаться, не следовать стереотипам), «оригинальность» (уникальность, непохожесть на других) и «разработанность» (степень внимания к деталям) как отражающих творческий потенциал и некоторые характеристики воображения и фантазирования;

– «Прогрессивные матрицы» Равена [Мухородова, Шрейбер, 2011]. Методика позволяла оценить общий интеллектуальный уровень испытуемых, чтобы определить их познавательные возможности.

Методики предъявлялись в несколько встреч (проективный материал – отдельно и в последнюю очередь). Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 17.0: проверка достоверности различий между группами осуществлялась с помощью критерия U Манна–Уитни, корреляционный анализ – с использованием критерия r Спирмена.

Результаты

Межгрупповые и внутригрупповые различия в ментализации испытуемых

В процессе анализа полученных результатов обнаружили статистически значимые различия между группой ШБ и группой ПЗ по субшкалам, выделенным Вестеном для обработки протоколов методики ТАТ, что содержательно раскрывают отличия когнитивно-стилевой организации опыта межличностных взаимодействий, а также аффективной наполненности само- и объект-репрезентаций (см. табл. 2). Выявленные в ходе беседы представления ШБ о себе отличаются фрагментарностью, нередко указывают на наличие расщепления внутри Я (выделение всемогущей части, ложного фасада, одновременная внутренняя «обедненность» и пустота), что соотносится со снижением «сложности представлений» в рассказах ТАТ. У ПЗ, напротив, способность удерживать противоречивый опыт находит отражение в возможности конструирования целостных образов себя и Других.

Таблица 2

Описательные статистики и значимые различия между группами ШБ и ПЗ по субшкалам Вестена

Название субшкалы	Сложность представлений		Аффективный тон отношений		Эмоциональный вклад в отношения		Понимание социальной причинности	
	ШБ	ПЗ	ШБ	ПЗ	ШБ	ПЗ	ШБ	ПЗ
Группа	ШБ	ПЗ	ШБ	ПЗ	ШБ	ПЗ	ШБ	ПЗ
Медиана	2	3,5	3	4	3	4	2	3,5
Мин. – макс. значение по субшкале	1 – 4	2 – 5	2 – 4	2 – 5	2 – 4	3 – 5	1 – 4	3 – 5
<i>U</i> Манна–Уитни	73,000		106,000		90,500		55,000	
Уровень значимости (<i>p</i>)	< 0,001		0,006		0,002		< 0,001	

Примечания. ШБ – больные с шизотипическими расстройствами, ПЗ – психически здоровые исследуемые.

Эмоциональная сфера уплощена и подчеркнута подавлена у большей части ШБ, что проявляется в жалобах на отсутствие чувств, указаниях на превалирование мыслей над эмоциями, в отсутствии жалоб на настроение (при диагнозе «депрессивный эпизод»), косвенно – в игнорировании эмоционально-чувственной стороны взаимодействий в рассказах ТАТ. В иных случаях мы сталкиваемся с искажениями, неадекватностью эмоциональных проявлений: непоследовательность, смех в беседе о проблемах и т.д. У ПЗ фиксируются адекватность (по знаку и интенсивности) аффективных состояний, их сообразность ситуации обследования.

ШБ свойственно отрицать наличие близких отношений между изображенными людьми в ТАТ (*ТАТ 7ВМ*: «Есть вероятность, что родственники, но нет...»; «Я не склонен говорить, что это отец и сын»), что сочетается с низкой тенденцией инвестировать в межличностные отношения, выраженной в сниженном значении по шкале «эмоциональный вклад в отношения» (см. табл. 2). Так, контекст отношений в рассказах ТАТ чаще задан принятием формальных ролей, а в близких отношениях люди редко предстают равноправными партнерами: чаще один в другом нуждается или оказывает влияние (*ТАТ 5*: «Женщина заглядывает в комнату к своему сыну и говорит, что нужно сделать, контролирует его...»).

Коммуникативные опасения зафиксированы в значениях «аффективного тона отношений»: негативно окрашенные связи, которые несут оттенки специфичной для ШБ темы паранойяльности (в виде различных проявлений недоверия, обмана, неискренности и др.). Люди и отношения с ними видятся угрожающими, в том числе в силу своей непредсказуемости (*ТАТ 4*: «Он что-то замышляет недоброе. Лицо у него злое... Подозрительно все это»; *ТАТ 18GF*: «Она взяла бы нож и... Я вижу убийство. Убийство на почве ревности»). Подобная предвзятость сочетается с трудностями «понимания социальной причинности» (см. табл. 2): испытуемые находят причины тех или иных поступков персонажей сопряженными с их якобы негативными установками. Среди других ошибок поиска детерминант внутри межличностных отношений можно выделить поверхностное представление о причинно-следственных цепочках в поведении, которое исключает из рассуждений внутренний мир человека.

«Аффективный тон отношений» у ПЗ выражает в большей степени адекватную предлагаемым картинам нейтрально-положительную или нейтрально-негативную окраску, а отрицательный тон (в отличие от тотальности и бесповоротности, которые обычно сопровождают рассказы больных) подчеркнута преходящий: (*ТАТ 6ВМ*: «Сын расстроил мать... Обидел, может, неаккуратным словом. Она женщина впечатлительная – приняла близко к сердцу. У него на душе скребут кошки.

Хочет извиниться, ведь не хотел обидеть! Мама тоже понимает, что по глупости, они помиряются вскоре»), что предполагает устойчивость отношений перед угрозой фрустраций.

Корреляционный анализ

Подтвердившаяся статистически на уровне выраженной тенденции ($r = -0,376$, $p = 0,051$) связь показателей «заинтересованность в сфере переживаний» и «эмоциональный вклад в отношения» у некоторых ШБ описательно означает при увеличивающейся заинтересованности – уменьшающиеся инвестиции в отношения с Другими (см. табл. 3), что формирует необходимость уточнения природы подобной мотивации (см. Обсуждение результатов). Чем более *заинтересован ШБ в анализе психического*, тем выше у него интеллектуальный уровень по методике Равена ($r = 0,499$, $p < 0,05$). «Малозаинтересованные» (20% от общего числа испытуемых в группе ШБ), как правило, не предъявляют жалоб, касающихся личностных или межличностных областей. Между тем и «польза от обсуждения переживаний» оказалась наиболее выраженной у интеллектуально сохранных исследуемых ($r = 0,408$, $p < 0,05$), а также отрицательно связанной с показателем «доступность переживаний» ($r = -0,676$, $p < 0,01$), что в условиях специфики данной группы, где 85% считает, что чувства им так или иначе доступны, указывает на их убежденность в обладании необходимыми для саморефлексии средствами и отрицание возможностей потенциальной помощи извне.

Таблица 3

Значимые корреляционные связи между показателями ментализации и измеренными личностными и когнитивными особенностями ШБ

Показатели	ИТН	Заинтересованность в сфере переживаний	Польза от обсуждения переживаний	Желание и готовность обсуждать переживания	СП
Доступность переживаний	<i>-0,551**</i>	-0,220	<i>-0,676**</i>	-0,034	-0,126
ИУ	0,262	<i>0,499*</i>	<i>0,408*</i>	-0,098	<i>0,412*</i>
Понимание социальной причинности	-0,198	0,304	0,143	0,078	<i>0,664**</i>
Гибкость	0,004	-0,074	-0,351	<i>0,559**</i>	0,270
Эмоц. вклад в отношения	-0,117	<i>-0,376</i>	-0,107	-0,007	0,328

Примечания. Внутри таблицы представлены коэффициенты корреляции; статистически значимые коэффициенты выделены курсивом. Уровень значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$, оценка по критерию r Спирмена. Условные обозначения: ИТН – интолерантность к неопределенности, ИУ – интеллектуальный уровень, СП – сложность представлений.

Сниженные результаты ШБ в методике Равена по сравнению с группой ПЗ ($U = 67,500$, $p < 0,01$) значимо коррелируют с низкими значениями «сложности представлений» в ТАТ ($r = 0,412$, $p < 0,05$), что подтверждает наличие трудностей дифференциации и обобщения опыта. Кроме того, малая «сложность представлений» также связана с искажениями в «понимании социальной причинности» ($r = 0,664$, $p < 0,01$). ШБ оперируют одномерными, часто противоречивыми конструкциями при описании персонажей. Типично для них и вовсе игнорировать внутренний мир героя, подменять рассказ о нем описанием действий (ТАТ ЗВМ: «Женщина времен Второй мировой войны. Получила повестку о гибели мужа. Сидит и плачет») или соскальзывать в резонерские суждения, что противостоит пониманию внутреннего мира человека, обращает к свержабстракциям и отсутствию ментализации [Соколова, 2015b].

Выявленная отрицательная связь ИТН с показателем «доступность переживаний» ($r = -0,551$, $p < 0,01$) указывает на то, что чувства более доступны, когда человек менее подвержен жестким принципам и позволяет себе выходить за рамки четко установленного. Однако показатели ТН и МИТН не обнаруживают связей с другими показателями внутри группы ШБ, а их значения статистически не отличаются между двумя исследованными группами, как и результаты по методике ШПР.

Обнаруженная примерно у 50% ШБ достаточно развитая творческая «гибкость» в ряде случаев сочетается ($r = 0,559$, $p < 0,01$) с показателем «желание и готовность обсуждать переживания», что выражается в том числе в большей способности принимать и рассматривать отличные от собственной точки зрения и в снижении ригидности. Показатель творческой «разработанности» не коррелирует с показателем «сложности представлений» в ТАТ: склонность к детализации в рисунке не связана с многоаспектностью репрезентаций «Я – Другой». «Оригинальность» не обнаруживает связей с ментализацией, хоть ПЗ и более успешны по этому показателю, нежели ШБ ($U = 109,500$, $p < 0,05$).

У ПЗ способность «понимать социальную причинность» коррелирует со «сложностью представлений» и «эмоциональными вкладами в отношения» (см. табл. 4), что предполагает наиболее глубинную проработку аффективного материала через эмоциональную включенность [Westen, 1990].

Таблица 4

Значимые корреляционные связи между показателями ментализации и измеренными личностными и когнитивными особенностями ПЗ

Показатели	МИТН	ТН	Заинтересованность в сфере переживаний	Понимание социальной причинности
Польза от обсуждения переживаний	<i>0,746**</i>	<i>0,616**</i>	<i>0,542**</i>	<i>0,379*</i>
Сложность представлений	0,269	0,154	-0,061	<i>0,680**</i>
Эмоциональный вклад в отношения	0,242	0,158	0,003	<i>0,544**</i>

Примечания. Внутри таблицы представлены коэффициенты корреляции; статистически значимые коэффициенты выделены курсивом. Уровень значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$, оценка по критерию r Спирмена.

Условные обозначения: МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности, ТН – толерантность к неопределенности.

Значения по шкале «польза от обсуждения переживаний» имеют широкие связи для ПЗ: с МИТН, ТН, «заинтересованностью в сфере переживаний» (см. табл. 4), а также – невысокий коэффициент корреляции ($r = 0,379$, $p < 0,05$) – с «пониманием социальной причинности».

Анализируя описанные особенности, а также содержательные попытки исследуемых рассказать о мыслях и чувствах персонажей, можно констатировать, что у ШБ отмечаются случаи как *псевдоментализации*, так и *снижения уровня ментализации по типу конкретного понимания*, которые в норме не находят подобной выраженности (подробнее см. далее).

Обсуждение результатов

Исследование выявило у ПЗ достаточно высокий уровень ментализации лишь с частичным ослаблением в звеньях отдельных показателей (значений субшкал Вестена), что, однако, не достигает в своей выраженности статуса тотальных нарушений. Фонаги и Бейтман предлагают рассматривать подобные парциальные затруднения как нормальный феномен, имеющий место в ситуациях повышенной неопределенности, новизны или фрустрации [Бейтман, Фонаги, 2014]. Отдельные стереотипные ответы, по-видимому, связаны с недостаточной мотивацией испытуемых.

Структура репрезентативных образов ШБ содержит в себе негативную эмоциональную заряженность с преобладанием вариаций на тему паранойяльности, что отражают показатели «аффективного тона отношений» в методике ТАТ. При этом значения по шкале «сложность представлений» отличаются сниженной дифференцированностью и согласованностью репрезентаций ($U = 73,000$, $p < 0,001$), сильно затрудняется проработка межличностного опыта (в том числе и содержащего неоднозначную возможность интерпретации), актуальные коммуникации характеризуются искажениями «социальной причинности», снижением «эмоциональных инвестиций в отношения» (см. табл. 2), а также защитным поведением в форме социальной самоизоляции или использования манипулятивных стратегий контроля и регуляции отношений с Другими [Соколова, Иванищук, 2013; Иванищук, 2015], что, сочетаясь с глубинной уверенностью в хорошем понимании Других (что само по себе является подкреплением грандиозной нарциссической части самости), рождает феномен *псевдоментализации* (в большей степени – у интеллектуально сохранных больных). У лиц с выраженным умственным дефектом чаще встречаются случаи либо *снижения уровня ментализации* в форме *конкретного понимания*, что связано с такими стилевыми чертами, как когнитивная недифференцированность (или, напротив, излишняя сверхдетализированность, сопряженная с невозможностью отделения главного от второстепенного), материалистичность, сужение возможностей выхода за пределы непосредственно данного, либо *полного отсутствия ментализации*, что феноменологически выражается в невозможности координировать сложный психологический опыт и делать выводы относительно его природы [Там же].

Предъявление методики ТАТ задавало ситуацию неопределенности (неоднозначностью стимульного материала и свободной инструкцией), косвенно моделируя тем самым ситуацию настоящего общения [Соколова, 2015a]. В процессе исследования подтвердилось рассмотренное в литературе [Соколова, 2015b; Бейтман, Фонаги, 2014] пагубное влияние *интолерантности к неопределенности* на *доступность мира психического* ($r = -0,551$, $p < 0,01$): находясь в условиях жестко обозначенных границ психологической причинности (установленной в рамках далеко не всегда адекватного собственного виденья), человек не в состоянии покинуть эти рамки в попытке понять Другого. Ориентируясь на предыдущий опыт (часто негативный), человек тем самым отказывается от самостоятельного выбора, что характеризует его неуверенность в себе и страх перед неизвестным [Соколова, 2015a].

В исследовании обозначилась также и важность *интеллектуальной сохранности* для взаимодействия со сложным миром психического, однако ШБ с высоким интеллектом демонстрировали нарушения в форме псевдоментализации. Соотношение измеренных с помощью методики Торренса аспектов креативности с ментализационными возможностями испытуемых также не получило в рамках исследования однозначной интерпретации, что, по-видимому, формирует необходимость поиска более адекватных изучаемому конструкту инструментов. Встает необходимость разведения процессов, задействованных в ситуациях решения когнитивных задач и требующих ориентации в сфере межличностных отношений, что предполагает воссоздание внутреннего мира. Обнаруженные противоречия наталкивают на размышления о том, что простого наличия общих интеллектуальной сохранности или творческой активности для успешной ментализации недостаточно – мы имеем дело с полимодальностью влияющих факторов. Недостаток чувственности и эмоций порождает дефицит эмпатийного компонента, создавая сложности с тем,

чтобы прочувствовать то, что испытывает Другой. Вероятно, склонность некоторых ШБ использовать рациональные ресурсы для подобного понимания не является успешной, замыкая их в узких рамках собственного опыта и оставляя трактуемый материал лишенным оттенков жизненности (в том числе ввиду расщепления чувственного и рационального) [Соколова, 2015b]. Кроме того, отмечая *заинтересованность в сфере переживаний* при ответах на вопросы методики ШПР, ШБ чаще имеют в виду свой внутренний мир, тогда как в норме заинтересованность в себе сочетается с заинтересованностью в Другом. Те из ШБ, кто упоминает и об интересе к Другому, среди причин выделяют: «понять, чтобы научиться отличать фальшь от истины», «чтобы создать такой аппарат, с помощью которого можно было бы влиять на окружающих», «чтобы контролировать; что могут и что не могут сделать знать». Анализ подобных ответов делает более понятным отсутствие истинных эмоциональных инвестиций в отношения ($U = 90,500$, $p < 0,01$), ведь получается, что как таковой Человек при схожей мотивации неинтересен – сформулированные пояснения ШБ скорее содержат указание на манипулятивную стратегию взаимодействия (подобные стремления выступают способом подкрепить собственную грандиозность и/или защититься от непредсказуемости окружающих). Их уверенность в успешности собственной ментализации в сочетании с отсутствием истинного интереса к другим людям позволяет предположить у этой части ШБ наличие нарциссических черт в структуре личности [Соколова, 2015b].

В качестве основного источника выявленных ментализационных особенностей (проблем) больные видели переживания периода детства (безразличие или отвергающую манеру матери, изменившую ярко чувственное изначально проявление ребенка на холодность и отстраненность; травматический опыт, приведший к редукции эмоциональной сферы ради снижения интенсивности возможных переживаний). В ряде работ схожие причины в форме пагубных влияний полимодальных факторов взаимодействия ребенка с его окружением рассматривались в качестве предикторов нарушений ментализации за счет дефицитности системы привязанности, в рамках которой складывается в норме способность понимать себя и Других [Калмыкова, 2009; Бейтман, Фонаги, 2014]. Становясь отгороженными и в какой-то степени непроницаемыми для окружающего мира, такие люди отказываются от взаимодействия с Другими – наполненного жизнью, но субъективно болезненно-непредсказуемого.

Выводы

1. Психически здоровые исследуемые продемонстрировали достаточно высокий уровень ментализации, тогда как группа больных с шизотипическими расстройствами отличалась ($p < 0,01$) специфическими нарушениями по всем показателям, выделенным Вестеном для методики ТАТ, что отражает специфическую *дисфункциональность* присущего им *аффективно-когнитивного стиля* репрезентации отношений «Я – Другой»: искаженное «*понимание социальной причинности*» – с пропусками важных элементов собственно психологической детерминации и нарушениями логики, слабые «*эмоциональные инвестиции в отношения*» – отсутствие включенности в межличностные контексты, нарушения привязанности, негативный «*аффективный тон*», приписываемый социальным взаимодействиям, сниженная «*сложность представлений*» – частая одномерность, преобладание описаний поведения, а не внутреннего мира.

2. Выявленный у части больных с шизотипическими расстройствами феномен *псевдоментализации* отражает своеобразный отрыв от реальности и уход во внутренний мир самостоятельно созданных либо присвоенных неадаптивных мыслей, пронизанных враждебностью и паранойальностью, присущими этим пациентам. Псевдоментализация нередко сопровождается уверенностью в собственных умениях понимания Других и сложностями в изменении своей позиции. У интеллектуально сниженных (по результатам методики Равена) больных с шизотипическими расстройствами чаще встречается феномен *снижения уровня ментализации* в форме *конкретного понимания*: трудности разграничения психического и материального, отделения главного от второстепенного, следование стереотипам, ориентация на поверхностные признаки в поведении при анализе внутреннего мира.

3. В ходе исследования были выявлены взаимосвязи между компонентами стиля репрезентаций и возможностями ментализации испытуемых, а также обозначились вклады исследованных когнитивных и личностных показателей в стилевую структуру. Так, развитию дисфункциональных схем организации межличностного опыта способствуют повышенная *«интолерантность к неопределенности»*, не позволяющая выйти за четкие рамки и сопряженная с низкой *«доступностью переживаний»* ($p < 0,01$), наличие *интеллектуального дефекта*, снижающего способности оперирования когнитивно сложным материалом (коим и является неоднозначно трактуемый психический мир) и значимо коррелирующего ($p < 0,05$) с низкой *«сложностью представлений»* в ТАТ, ригидность, стереотипность, сниженная творческая *«гибкость»*. Было выявлено, что ментализации в норме соответствует *заинтересованность* не только в своем собственном мире, но и в переживаниях Других, а также что значимой предпосылкой успешного и адекватного понимания психического является способность вступать в Диалог, *«польза от обсуждения переживаний»* и *«желание и готовность обсуждать переживания»*.

Таким образом, в нашем исследовании были получены результаты, указывающие на наличие нарушений в форме псевдоментализации и конкретного понимания как снижения уровня ментализации у лиц с шизотипическими расстройствами. В основе этих нарушений лежит особый аффективно-когнитивный стиль, который в силу описанной структурно-содержательной специфичности является деструктивным и влечет за собой многочисленные трудности в области межличностного общения и социальной адаптации.

Литература

Бейтман Э., Фонаги П. [Bateman A., Fonagy P.] Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. Практическое пособие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.

Боулби Дж. [Bowlby J.] Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

Иванищук Г.А. Связь уровня макиавеллизма и нарушений ментализации у пациентов с суицидальным поведением. Психологические исследования, 2015, 8(41), 4. <http://psystudy.ru>

Калмыкова Е.С. Все-таки во мне что-то происходит, или развитие ментализации в жизни и психоанализе. Журнал практической психологии и психоанализа, 2009, No. 1. <http://psyjournal.ru>

Кернберг О.Ф. [Kernberg O.F.] Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Класс, 2000.

Кляйн М. [Klein M.] Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. СПб.: Б.С.К., 1997.

Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности. Психологический журнал, 2010, 31(1), 74–86.

Мухородова О.Е., Шрейбер Т.В. (Ред.). Прогрессивные матрицы Равена: методические рекомендации. Ижевск: Удмуртский университет, 2011.

Никитина И.В. Социальная тревожность и социальное познание (обзор зарубежных исследований). Консультативная психология и психотерапия, 2014, No. 4, 65–79.

Новикова М.А., Корнилова Т.В. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника). Психологический журнал, 2013, 34(6), 63–78.

- Пуговкина О.Д. Нарушения социального познания при депрессии: теоретические подходы, методы изучения и выделенные дефициты. *Консультативная психология и психотерапия*, 2014, No. 4, 80–97.
- Руденко С.Л., Рычкова О.В. Нарушение социального познания у больных шизофренией как условие снижения уровня их социального функционирования. *Вестник Томского гос. пед. университета*, 2012, 6(121), 141–147.
- Сергиенко Е.А. Модель психического и социального познание. *Психологические исследования*, 2015, 8(42), 6. <http://psystudy.ru>
- Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: Моск. гос. университет, 1987.
- Соколова Е.Т., Коршунова А.Р. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я-Другой у лиц с суицидальным поведением. *Вестник Моск. гос. университета. Сер. 14, Психология*, 2007, No. 4, 48–63.
- Соколова Е.Т. Аффективно-когнитивная дифференцированность / интегрированность как диспозиционный фактор личностных и поведенческих расстройств. В кн.: Н.И. Чуприкова, А.Д. Кошелев (Ред.), *Дифференционно-интеграционная теория развития*. М.: Языки славянских культур, 2011, С. 415–434.
- Соколова Е.Т. Культурно-историческая и клиничко-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности. *Вестник Моск. гос. университета. Сер. 14, Психология*, 2012, No. 2, 37–48.
- Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Мотивационные источники и регуляторные функции манипуляции. *Вопросы психологии*, 2013, No. 4, 87–101.
- Соколова Е.Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма. *Эпистемология и философские науки*, 2014, 41(3), 190–210.
- Соколова Е.Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд. *Психологические исследования*, 2015а, 8(40), 5. <http://psystudy.ru>
- Соколова Е.Т. *Клиническая психология утраты Я*. М.: Смысл, 2015б.
- Туник Е.Е. *Диагностика креативности. Тест Е.Торренса*. СПб.: Иматон, 1998.
- Холмогорова А.Б. Природа нарушений социального познания при психической патологии: как примирить «био» и «социо»? *Консультативная психология и психотерапия*, 2014, 22(4), 8–29.
- Bateman A., Fonagy P. Mentalization based treatment for borderline personality disorder. *World Psychiatry*, 2010, Vol. 9, 11–15. doi: 10.1002/j.2051-5545.2010.tb00255.x
- Fizke E., Buchheim A., Juen E. Activation of the attachment system and mentalization in depressive and healthy individuals - an experimental control study. *Psihologija*, 2013, 46(2), 161–176. doi: 10.2298/PSI1302161F
- Gorska D., Marszal M. Mentalization and theory of mind in borderline personality organization: exploring the differences between affective and cognitive aspects of social cognition in emotional pathology. *Psychiatria Polska*, 2014, 48(3), 503–513.

Katznelson H. Reflective functioning: A review. *Clinical psychology review*, 2014, 34(2), 107–117. doi: 10.1016/j.cpr.2013.12.003

Mikic N., Terradas M.M. Mentalization and attachment representations: A theoretical contribution to the understanding of reactive attachment disorder. *Bulletin of the Menninger clinic*, 2014, 78(1), 34–56. doi: 10.1521/bumc.2014.78.1.34

Sharp C., Pane H., Ha C., Venta A., Patel A.B., Sturek J., Fonagy P. Theory of Mind and Emotion Regulation Difficulties in Adolescents with Borderline Traits. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2011, 50(6), 563–573. doi: 10.1016/j.jaac.2011.01.017

Westen Ph.D. Social cognition and object relations scale (SCORS): manual for coding TAT data. University of Michigan, 1990.

Поступила в редакцию 15 января 2015 г. Дата публикации: 25 апреля 2016 г.

[Сведения об авторах](#)

Соколова Елена Теодоровна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: etsokolova@yandex.ru

Андреюк Кристина Олеговна. Аспирант, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: kristina.andreyuk@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Соколова Е.Т., Андреюк К.О. Особенности ментализации у больных с шизотипическими расстройствами. *Психологические исследования*, 2016, 9(46), 1. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Соколова Е.Т., Андреюк К.О. Особенности ментализации у больных с шизотипическими расстройствами // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9, № 46. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1256-sokolova46.html>

[К началу страницы >>](#)